

ТО ЧТО

вглядываюсь в пучину салата бездонную
и в раскатах сметанных отражаются тысячи глаз
моих глаз

ветер-ветер,
сильный ветер:
распластал свои стежки
а никто и не заметил,
не видны его кишки

механические шестерни дождя
стучат и лязгают,
рисуют на асфальте причудливый индустриальный танец,
касаясь чутких городских сердец

снимаю кожицу с ранки
своих чувств
ножичком
твоих слов.
лимфоциты растекаются по телу безрадостные,
их будоражит твоя личность во мне.

ветер смешно оживляет предметы
гонит по воздуху листья
трогает шарф
лезет к пальто
но всё время дрожит ветвями
ими он дорожит
а "живые" для ветра - никто

розовые ленты червей объявились утром вдруг

на идеальном мокром полотне асфальта,
и люди натянули с рукоятью круг -
в ответ на все капризы темного небесного базальта.

весь день тяжелые глазницы,
как будто слёзы на щеках
и ноги тянутся тяжелой вереницей
а в голове - звериный страх

свою личность я объявил преступной, четвертовал.
а затем простил

к тем, кого нет:
где ты,
бог мой,
где бываешь по ночам?
где ты,
друг мой,
топчишь тропы по утрам?
где ты,
брат мой,
корчишь рожицы друзьям?
где все это,
как найти кого-нибудь?

каждое лето как будто заново
как будто сначала
не помню, чтобы одуванчики красивой жёлтой плесенью, как мукор, покрывали луга...

обращаясь глазами к образу луны
душа обращается к бесконечности
лицо становится мокрым от слез
и эта водяная пелена больше не даёт видеть луну
так все и заканчивается постоянно...

деревне к горлу подставляет
опасный острый
разбитого стекла кусок
угодный городу
жестокий страшный
механизации порок

мы погружаемся в вечный покой
объединяясь струимся водой
и наполняем волнуемый сад
я оживаю здесь и сейчас

он никому ничем не обязан:
все дела оставил на потом,
он ушёл далеко-далеко
покорять аэродром.
его дело только летать,
летать высоко-высоко в облаках.
самолёт ему не важен,
лишь бы землю не видеть...

в поле меня окружают жуки:
жизнь вокруг жужжит...
ах, если бы и моя жизнь жужжала
не только из-за полевых жуков

я знаю, там звёзды теплей
мне снится их свет
ты спросишь зачем эта ночь,
а меня уже нет

состав поедет без людей,
вагон без перегруза,
в кабине поезда - сергей
его тянуло мёртвым юзом:

...

...

...

машинист с душевным грузом

...

...

...

прыгнул под поезд.

сознание затухало а ответа так и не было слышно

турник цвета ядовитого солнца впился в глаза

и эти ядерные выплески солнечных слёз отразились мыслями глубоко внутри

где-то здесь на спорт.площадке потерялись мои эндорфины. выжимаю их вместе с

молочной кислотой как зубную пасту из тюбика в надежде почистить зубы своей души

в одиночестве тишина неподъёмная

яркой сваркой правды ослепляет глаза

в мыслях путаница тёмная

заполняется слёзная железа

ни о чем глубоко задумался

мысли по небу растянул

зачем только в жизнь эту сунул

до восемнадцати дотянул

мертвецы на комод

как жуки-пожарники

пульсирующим красным отдают

с нарушением сердечных функций

стали копошиться вдруг

чувствую себя грозовой тучей,

как будто ионов во мне достаточно,

чтобы разразиться страшной грозой

ещё одно влажное облачко,

и я пошлю смертоносный опаляющий электрический луч в землю

рассекая на части бетонные монолиты,

постсоветские айсберги жизни,

плывет человек.
крыши домов
под тяжестью слов
обрушатся мимо
прохожих голов

в подростковом возрасте я любил представлять (сейчас мне вроде 20), будто я поезд,
несущийся по льду, то есть без рельс, без колеи.
представляете себе такой, такой кошмар? а вот вы представьте себе, как развозит его
вагоны по льду, как он трещит и накреняется, бесцельно шатаясь по льду.
вот так примерно как-то и проходили мои подростковые годы. хотя я все-таки никогда бы
не сказал, что они были плохими - иногда очень даже хорошими, но чаще всего я
ощущал себя именно так, внутреннее.
теперь не так. пусть лед, или нет колеи - все всё равно. сам прокладываю. истинно так,
что нужно самому себе прокладывать путь, только так, только так

наш разговор - это труба
ты дуй, а я нажму на клапаны все

по-хорошему вонючая жестяная кастрюля с борщом и уродливыми бордовыми буквами
по бокам,
солнце,
ты еще невысокого роста,
кисель по утрам,
легкая дымка прошедшего времени как бы сгущает воспоминания, делая их неясными,
все это когда-то существовало, было реальностью. может быть сейчас это является
реальностью и для кого-то другого, но не для меня
для кого-то маленького и такого же солнечного, каким я был когда-то давно

for most of us, we are good people in the basic sense of the word. good people receive their
own conscience. bad people enjoy hurting others

там, где нет окон
остается рассудок
куча мыслительных волокон
плетут беспорядок
там, где нет окон

живут студенты и бомжи
они - сорняки в поле общественной жиз_ни
без света увядают цветы
так же и они
только они - сорняки...

одно неверное действие
пропасть во ржи
одна неверная мысль
ты бесполезен не лги
себе
в мыслях о тебе
воплощаются мои страхи

вы в чем мать родила, недотроги
руку пожимаете неловко на пороге
тупой взгляд - вниз
тупой взгляд - вверх
только не вперёд
нет нет
только не в глаза
нет нет
по надкусанным губам
недосказанным словам
по искусственной походке
вижу вас издалека
как кот на мышь
как орел на крыс
смотрю на вас свысока
я такой
а вы такие
я такой
а вы плохие
я как все
а вы другие
вы плохие
вы плохие
вы плохие
потому что вы другие

жизнь продолжит своё течение и без меня. на какой её ручеек не посмотри - везде счастья, успехи, или наоборот - слёзы, тревоги. но все это - и есть жизнь, и чувства её наполняющие, и каждое её событие благодаря этой мелодии наливается для меня красочными цветами

camille 2000

я, как пластик, буду вечно гнить
создам тревоги нить
распластаю по стяжку
свою никчемную судьбу

я болен внутри
но не физически
тело в горизонтальной плоскости
подвергается внутренней критике
двери моего дома исчезают
а новые алтари не появляются
практически я болен
но не физически
а внутри

переделал:
ни о чем глубоко задумался
мысли по небу растянул
зачем только в жизнь эту сунул
до восемнадцати дотянул
я, как пластик, буду вечно гнить
я буду вечно жить, куда-то плыть
создам тревоги нить
распластаю по стяжку
свою никчемную судьбу